
От редакции: Поздравляем члена-корреспондента РАН, доктора философских наук, главного научного сотрудника Института философии РАН, Почетного доктора Института социологии РАН Николая Ивановича Лапина со значительным юбилеем. Примите, Николай Иванович, выражение глубокой признательности за Ваш вклад в развитие общественных наук – философии, социологии, системных исследований. Вам интересно изучать новое, решать междисциплинарные задачи, развивать теорию и анализировать проблемы современного общественного развития. Вас отличает настойчивость в отстаивании своих взглядов, вера в правоту того дела, которому Вы посвятили свою долгую жизнь. Вы применяете свои глубокие и разносторонние знания к изучению современных проблем цивилизационного развития России, ее региональных особенностей, болеете за решение ее социальных проблем.

Редколлегия, международный редсовет и редакция журнала желают Вам крепкого здоровья! Пусть Ваши научные изыскания принесут большую пользу обществу, а Вам подарят моральное удовлетворение, благополучие, радость и уважение научной общественности!

Человек и культура его взаимодействий с обществом в прошлом, настоящем и будущем России (продолжая традиции осевого поколения)*

© 2021 г. Н.И. Лапин

Институт философии Российской академии наук, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: lapini31@mail.ru

Поступила 15.02.2021

Выявляя сложность становления нового российского общества, автор сосредоточил внимание на изучении множества чередующихся антропосоциокультурных травм и подъемов жизнедеятельности населения России. Их релевантным источником он считает гражданско-общественную культуру взаимодействия населения России с обществом, которую характеризует как противоречивую: во внешних функциях – гибко собирающую этносы, а во внутренних – рутинно-симбиозную, травмогенную. Возник пульсар ее исторических событий: «травма – подъем – травма...». Для становления гуманистически ориентированного общества и социально сильного государства благосостояния необходимо укоренить среди населения России новую гражданско-общественную культуру – композитно-достижительную и более эффективно собирающую разные этносы и регионы. Способом ее укоренения может стать Всегражданское Просвещение, понимаемое в смысле И. Канта и реализуемое через обычные процессы социализации личности.

Ключевые слова: антропосоциокультурная травма и подъем, взаимодействие, гражданско-общественная культура, Всегражданское Самопросвещение, сложность, социализация.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-5-5-16

Цитирование: *Лапин Н.И.* Человек и культура его взаимодействий с обществом в прошлом, настоящем и будущем России (продолжая традиции осевого поколения) // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 5–16.

* Инициативный исследовательский проект «Антропосоциокультурный эволюционизм как принцип изучения сложности становления нового российского общества и его региональных сообществ» (грант РФФИ № 18-011-00386).

Man and Culture of His Interactions with Society in the Russia's Past, Present and Future (Continuing the Traditions of the Axial Generation)*

© 2021 Nikolay I. Lapin

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

E-mail: lapini31@mail.ru

Received 15.02.2021

Revealing the complexity of the formation of a new Russian society, the author focuses on the study of the variety alternating anthropo-sociocultural traumas and the upsurges in the life activity of the Russian population. He considers the civil-social culture of the Russian population's interaction with society as the relevant source of these traumas and upsurges, and characterizes this type of culture as contradictory one: in external functions – flexibly collecting ethnic groups, and in internal – being routine-symbiotic, traumatic. The pulsar of its historical events has arisen: “trauma – rise – trauma...” In order to develop a humanistic society and a socially strong welfare state, it is necessary to establish a new civil-social culture among the Russian population – a composite-reach culture that gathers various ethnic groups and regions more effectively. The All-Civil Enlightenment, conceived in the sense of I. Kant and implemented through the ordinary processes of socialization of the individual, can be a way of its rooting.

Keywords: anthropo-sociocultural trauma and enthusiasm, upsurge, civil and social culture, All-civilian Self-enlightenment, complexity, socialization.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-5-5-16

Citation: Lapin, Nikolay I. (2021) “Man and Culture of His Interactions with Society in the Russia's Past, Present and Future (Continuing the Traditions of the Axial Generation)”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 5 (2021), pp. 5–16.

Более 65 лет я веду исследования в двух разных, но для меня смежных областях знания – философии и социологии. Сначала я был погружен в проблематику истории философии, поскольку в аспирантуре философского факультета МГУ (1954–1957 гг.) работал над диссертацией по теме «Начало перехода К. Маркса к материализму и коммунизму». В 1956 г. был опубликован сборник «Из ранних произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. На кафедре Т.И. Ойзермана по истории зарубежной философии собралась группа аспирантов, изучавших наследие молодого Маркса, – Л.Н. Пажитнов, В.В. Кешелава и я. Рядом с нами, но отдельно, Мераб Мамардашвили углублялся в учение Гегеля о формах мышления, освоив для этого немецкий язык.

Меня интересовал вопрос: *каким образом юный Карл Маркс не просто осуществил переход от одного известного мировоззрения к другому, тоже известному, а создал новое мировоззрение, которое стало овладевать массами и обрело огромную практическую действенность.*

* Initiative research project. Anthroposociocultural evolutionism as a principle of studying the complexity of the development of a new Russian society and its regional communities" (RFBR grant No. 18-011-00386).

Поддерживая и продолжая традицию осевого поколения

Мой подход к изучению взглядов юного Маркса во многом был стимулирован в 50–60-е гг. XX в. эволюцией советской философской и в целом социогуманитарной мысли к самостоятельному пониманию системно-диалектической, по сути, синергичной сложности человека и общества. В двухтомнике по истории отечественной философии XX в. [«Философия не кончается...» 1998] показано, что это было время саморазвития философской мысли, инициированного немногими зачинателями того поколения, которое получило имя **шестидесятников** и стало **осевым поколением** российской философии XX столетия. Это оно обосновало **поворот** от догматически-цитатной философии, лично контролировавшейся И.В. Сталиным, к утверждению способности российских философов самостоятельно («своим умом») развивать диалектическую методологию, логику процесса достижения истины [Ильенков 1955 web], которую «в принципе нельзя знать заранее», а ее поиск составляет философское призвание, неотъемлемую «презумпцию невиновности философа» [Мамардашвили 1990, 56, 50]. Этот поворот **укоренился** и стал традицией, которая сегодня продолжается в исследовательской практике многих российских философов.

В центре моих интересов последнего времени находится проблема сложности становления новой, постсоветской России – как общества и государства. Ее разработку я осуществлял в рамках инициативного проекта, поддержанного РФФИ. Продолжая традиции осевого поколения, я старался выявить латентное содержание изучаемой проблемы. В центре оказалась проблематика антропосоциокультурных травм и подъемов жизнедеятельности населения России, гражданско-общественной культуры его взаимодействий со своим обществом и государством как источником травм и подъемов, а также проблема Всегражданского Самопросвещения как способа эволюционного достижения гуманистически ориентированного состояния российского общества и государства. Их изучение потребовало уточнить понимание фундаментальных проблем природы человека и его взаимодействий с обществом. С краткого их рассмотрения я и начну характеристику полученных результатов.

«Человек разумный» или «Человек действующий и взаимодействующий с помощью разума»?

Что такое **человек**? Обычно говорят – это «человек разумный» («Homo sapiens»), это «биосоциальное существо». Достаточно ли такого понимания?

Что такое **общество**? Распространенный ответ: «результат взаимодействия людей». Но что такое **взаимодействие**? Как оно вообще **возможно**?

Как **взаимодействует** человек с обществом, в котором он живет?

Не слишком ли упрощенные ответы имеем мы на простые вопросы об уникально сложном существе и его взаимодействии с обществом?

При поиске более адекватных ответов наиболее убедительной, со времен Гегеля и Маркса, утвердилась и остается **деятельностная парадигма**. Но распространенность упрощенных ответов свидетельствует, что необходимо более целостное, **антропосоциокультурное** понимание и применение деятельностной парадигмы. В соответствии с этой парадигмой археологи рассматривают в качестве эмпирических индикаторов мышления: а) регулярное изготовление орудий труда и сопряженные с этим; б) начало социогенеза, а также в) появление, пусть в зачаточном виде, какого-то объема интеллектуальной информации. Археологически доказанное наличие этих индикаторов относится к тому Homo sapiens, который около 40 тыс. лет назад обитал в Южной Европе, биологически сформировался и после эпохи мустье, в эпоху верхнего палеолита, создал новую, **ориньякскую культуру**, сумел вытеснить неандертальцев и распространился до Урала и дальше [Амирханов 2011 web].

Если термин **культура** понимать в антропосоциокультурном смысле, то ориньякская культура предстанет как синтезирующий результат не только действий отдельных

особей гоминид, направленных на природные объекты, но и их **взаимодействий** между собой. Так, пение и танцы свидетельствуют не только о развитии художественных способностей становящегося человека, но и о солидарности членов племени или рода. Наскальные изображения животных и охоты на них – о потребности показать другим людям этих животных и способы действий охотников. При этом **мышление** выступает одновременно и как фактор, помогающий успеху действий Homo sapiens, и как результат их взаимодействий. Обратные связи между взаимодействиями и мышлением взаимно усиливали оба эти качества, выделяя Homo sapiens из других гоминид. Полагаю, формулу «Человек разумный» (Homo sapiens) целесообразно расширить до формулы «Человек действующий и взаимодействующий с помощью разума» (Homo actor sapiens). Можно добавить: «с помощью разума, но не всегда разумно» из-за участия страстей и иных качеств человека.

В обширной литературе взаимодействия человека рассматриваются преимущественно как внешние, поведенческие проявления его деятельности, а не его сущностная характеристика. На мой взгляд, есть аргументы для понимания взаимодействия как **трансцендентального качества человека**, которое сыграло важную роль в антропогенезе Homo sapiens.

К такому пониманию побуждает характеристика способности человека к **оцениванию**, которую сформулировал Н.А. Бердяев в подытоживающем труде «Царство духа и царство кесаря» (1948 г.). После глав о человеке как основном предмете размышлений (**человек и**: «Бог, духовность»; «Космос, техника»; «Общество, социализм»; «Кесарь, власть») следует методологическая глава: «Об иерархии ценностей. Цели и средства». Философ начал ее двумя постулатами: «Человек есть существо оценивающее, определяющее качества. Определение ценностей и установка их иерархии есть трансцендентальная функция сознания» [Бердяев 1990, 271].

Это выверенные выводы мыслителя. Они сопоставимы с формулами: «человек – существо мыслящее» (Homo sapiens), «производящее» (Homo faber). *Оценивание* (estimate, estimation, evaluation) – не только логически правильное суждение, но комплексный, мысле-эмоционально-волевой акт человека как синергично триединого существа. К такому же выводу, одновременно с Бердяевым, пришел и Карл Ясперс: понимание «по своей природе всегда связано с оценкой» [Ясперс 1991, 40].

Трансцендентальность оценивания как функции сознания относится, прежде всего, к соизмерению человеком реалий по априорным архетипам и/или сопряженным с ними ценностям, закрепившимся в сознании и подсознании, а также к более сложной компоненте оценивания – установлению *иерархии ценностей*. Удовлетворение потребности во взаимодействии с другими людьми зависит от способности человека к оцениванию взаимодействия, требует рефлексивного мышления – о мышлении других людей и о своем собственном. Удовлетворение этой потребности, в процессе развития «форм общения» между людьми [Маркс 1965], тысячелетиями развивало мышление человека – его рассудка и рефлектирующего разума.

Добавлю: наиболее общим практическим результатом оценивания является **идентификация** человека с обществом или его структурами как необходимая предпосылка успешного взаимодействия. Она выражает синтезирующее отношение к оцениваемому объекту и взаимодействию с ним. Возможно, именно взаимодействия людей имели приоритетное значение для успеха антропогенеза. Рискну предположить, что уже к эпохе верхнего палеолита в некоторых ареалах становления Homo sapiens произошел интенсивный всплеск его взаимодействий с себе подобными существами, завершивший синергичное взаимопроникание трех универсалий его природы (биологической, социальной, культурной), которое длилось более 2 млн лет. Это завершение открыло для Homo actor sapiens путь от *дикости* через *варварство* к *ранним цивилизациям*.

Как вообще возможны взаимодействия людей? Антропосоциокультурный подход побуждает заключить: основанием такой возможности стало ядро **культуры** как способность взаимопонимания. Это ее ядро образуют: с одной стороны, логика смыслополагания, общая взаимодействующим индивидам и выражающаяся в правилах их языка

[Смирнов 2001]; и, с другой стороны, нравственные ценности и нормы: золотое правило нравственности [Гусейнов 2000], категорический императив И. Канта и др. Их взаимосвязь требует самостоятельного изучения.

Синтезирующий характер идентификации современного человека результируется в его взаимодействии с обществом как целым. Это – базовое взаимодействие людей: оно служит результатом их предшествующих действий и истоком последующих. Путь от каждого *социального действия* члена общества к совокупному результату его *взаимодействий* с другими членами этого общества представляет собой большой циклический процесс, включающий две ветви. Его началом служит восходящая от личности аффилирующая ветвь: человек как личность утверждает определенное свое *положение в обществе* – аффилирует (включает) или автономизирует (обособляет) себя. От этого его положения исходит другая, надиндивидуально-социализирующая ветвь взаимодействий человека: его действия обобществляются в совокупность взаимодействий множества индивидов – членов данного общества. Характер и результаты обобществленных взаимодействий во многом зависят от такой личностно-общественной формы сознания, которая выражает смысл взаимодействий человека с обществом как целым и которую я называю *гражданско-общественной культурой*. Этим завершается вторая ветвь большого цикла взаимодействий человека с обществом и замыкается сам этот цикл. В результате человек или подтверждает свою идентификацию с этим обществом (его структурой), или переоценивает свой выбор в пользу иного общества (иной его структуры).

Основной антропосоциокультурной ячейкой принятия решений экономически активных индивидов о сохранении себя в данной структуре общества или уходе из нее обычно является *рабочее место*. Реидентификация индивида начинается с *переоценки* своей аффилированности с этим рабочим местом. Основанием выбора и последующего решения служат характеристики содержания гражданско-общественной культуры индивида.

Травмогенность гражданско-общественной культуры населения России

Гражданско-общественная культура обобщенно выражает смыслы взаимодействий индивидов-граждан со своим обществом (или его структурой) как целым и влияет на различные виды их массовых взаимодействий. В личностно-общественном сознании населения России укоренилась **рутинно-симбиозная** гражданско-общественная культура взаимодействий с обществом. Около тысячи лет властно-управленческие и исполнительские слои населения находятся в отношениях взаимодополняющего, подчас паразитарного симбиоза. До революционных событий 1917 г. эти отношения были *аскриптивными*, то есть права и обязанности тех и других слоев признавались присущими им от рождения, но при угрозе существованию страны большинство населения поднималось на защиту своей Родины. Утратив аскриптивность, симбиозные отношения «власть – подчинение» обрели в советское время номенклатурную устойчивость. До сих пор исполнительские слои населения с *традиционной почтительностью* признают права властвующих элит, вплоть до личной зависимости от них, а элиты по-прежнему ограничивают свои функции *обладанием* объектами и повышением своих доходов, уклоняясь от эффективного развития управляемых объектов. Такая культура давно стала **травмогенной** по отношению к жизнедеятельности людей, а динамика государства, общества приобрела характер антропосоциокультурного пульсара: «травма – подъем – травма...».

Выявление факторов, ведущих к антропосоциокультурным травмам и подъемам, составляет одну из задач исторической науки. Обобщающая типология этих факторов является также задачей философии истории. Фактором, наиболее релевантным антропосоциокультурной природе травм и подъемов, служит гражданско-общественная культура взаимодействий индивидов-граждан с обществом, своеобразная в каждой стране.

Практически во всех существующих обществах наблюдаются разные типы этой культуры и варианты ее состояний, в разных соотношениях, с разной степенью эффективности. В каждом типе культуры представлены два ее состояния: 1) позитивное – массовый **подъем** жизнедеятельности населения; 2) негативное – массовый **упадок** жизнедеятельности. Негативное состояние получило в последнее время интерпретации в качестве **культурной травмы** [Штопка 2001; Александер 2013] и «травмы общества» [Тощенко 2020]. Используя антропосоциокультурный подход, я предлагаю концепцию «антропосоциокультурная травма и антропосоциокультурный подъем массовых взаимодействий», которые существенны для жизнедеятельности населения, его общества, государства, для понимания смыслов их истории. Приведу краткие характеристики этих терминов – не как догматически исходные, а как результаты исследований.

Антропосоциокультурная травма – это значимое нарушение или разрушение сложившихся, позитивно воспринимаемых большим числом жителей страны социальных и/или культурных условий их взаимодействий или всей их жизнедеятельности, которое болезненно воспринимается, снижает жизненную энергию взаимодействующих масс людей, обесценивает их идентичность, повышает неудовлетворенность жизнью в целом и готовность к протестным действиям. Нарушение/разрушение может иметь разное предметное содержание, быть резким или постепенным, кратким или продолжительным. Примеры таких травм – *война* на территории своего или другого государства; *эпидемии или пандемии* заразных болезней (коронавирус-19). Другие травмы: *геноцид* (холокост и др.), *узаконенные запреты* частной собственности, свободного изменения места работы, места жительства; *дефолт государства* и др. Значимы не только безличностатистические показатели, но и антропосоциокультурные смыслы таких травм, их негативное влияние на судьбы людей. Это прекрасно изобразил Л.Н. Толстой в «*Войне и мире*».

Напротив, **антропосоциокультурный подъем** – это значимое подтверждение и/или улучшение благоприятных условий взаимодействий и всей жизнедеятельности масс людей, их продолжение в ожидаемом направлении, которые вызывают поддержку и одобрение значительной части населения, прилив его жизненной энергии, повышение солидарности, значения идентичности.

Антропосоциокультурная травма или подъем – это события, осуществляющиеся как процессы-состояния. Их смена может означать переход одного события-процесса в другой (войны – в мирное состояние, запрета – в его отмену), возможность образования **пульсара** исторических процессов: «**травма-подъем-травма...**». Таким образом, антропосоциокультурные травмы и подъемы – весьма значимые объекты исследований истории стран, обществ.

Перечень травм и подъемов, происходивших в истории России, можно представить в таблице, которую мы здесь опускаем. Даже при его неполноте можно заметить: нелинейно совершавшиеся травмы и подъемы массовых взаимодействий населения России в значительной мере составляли содержание и рубежи исторических эпох и этапов ее истории. Многие травмы создавали и продолжают создавать опасные риски для существования России и угрозы для успешных ее ответов на новые большие вызовы.

На долю населения России выпала трудная судьба испытать и преодолеть многие опасные травмы, **включая такую роковую травму, как владычество Золотой Орды, и рубежные травмы Смутного времени, войн и революций 1905 и 1917 гг., самораспада СССР**. Но каждый раз россияне находили в себе способности и мужество отвечать на травмы подъемами духовного и материального потенциала, которые, однако, сопровождались новыми травмами. Упомянутая выше таблица свидетельствует о множестве таких чередований, характеризующих антропосоциокультурные смыслы эпох и этапов истории России. Приведу их краткие постфактум-диагнозы.

Догосударственная эпоха истории России характеризовалась расселением в Европе (VI–VIII вв.) восточных славян-язычников, становившихся вольными крестьянами-арендаторами. По берегам рек и на иных перекрестках торговых путей быстро росли

независимые города – торговые центры. Вокруг них формировались земли-волости, состоявшие из поселений крестьян, объединявшихся в сельские общины с круговой порукой участия в защите от нападений кочевников. Возникла русская догражданско-общественная культура – **собирающая**, комплементарно-толерантная к иным этносам.

После подъема и упадка православной Киевской Руси в XI–XII вв. произошло спонтанное самособирание ранних сообществ русичей, будущих великороссов (еще не обществ, организуемых государством) на северо-востоке Среднерусской равнины. Оно было пронизано относительно самостоятельным «церковным сообществом» [Ключевский 1989, 270], которое включало священников и иных воцерковленных лиц, возглавлялось патриархом и самоутверждало «Святую Русь». Этому содействовала подвижническая миссия монахов, отшельников-пустынников, которые распространяли православное сообщество в малозаселенные территории. Православная церковь поддерживала *этос общественной службы* [Зарубина 2001]. В европейской части России (в современных ее границах) консолидирующая общегражданская культура и государственность возникали спонтанно, не на основе какого-либо законодательного акта, как это было в Англии, Франции, Германии и других странах Западной Европы. Возникали ранние предпосылки **компаративно-собирающей** культуры взаимодействий великороссов.

Вместе с тем, население городов и сел страдало от междоусобиц удельных князей-Рюриковичей, которые после упадка Киевской Руси сохраняли свои владения на великорусских территориях и образовывали «генеалогическую федерацию» Рюриковичей. В то же время среди населения этой «федерации», в ее основании складывался массовый «союз областей через князей» [Ключевский 1987, 210], который становился предпосылкой великорусского антропосоциокультурного подъема. Как и в других европейских странах, в великорусских сообществах возникло контрастно-симбиозное социальное устройство: с одной стороны, князья, их дружины; с другой стороны, «холопы» (мужчины) и «робы» (женщины), посадские ремесленники и торговцы, домашняя челядь. Близкую социальную иерархию имело церковное сообщество. Возникали локальные травмы-беды. Но тогда великороссы не были закрепощенными, жизнь которых полностью зависит от господ. Закрепощенными они стали позднее.

Следующая эпоха в Северной Евразии характеризовалась *встречными движениями* масс населения по параллели «Восток – Запад». В Западной Европе возникли государства прежних племен-варваров, разрушивших Римскую империю, а теперь урбанизированных земледельцев, ремесленников, торговцев, воинов, их князей-королей и священнослужителей, которые осваивали некоторые достижения прежней империи, ее цивилизации осевого времени и стремились утвердить свое влияние на восточнославянские страны, используя авторитет римско-католического папства и его воинственных орденов. На Востоке Евразии кочевые монгольские племена объединились в милитаризованную империю Чингисхана и устремились на юго-восток (включая Ближний Восток) и северо-восток, мобилизуя встречавшиеся этносы в данников и, по возможности, в союзников дальнейших завоеваний.

Основным полем беспощадных захватов Золотой Ордой территорий северо-центральной Евразии (или северо-восточной Европы) были удельно-разделенные великорусские княжества: их население стало жертвой повсеместных разорений, убийств, насилий. Прежде гордые князья-Рюриковичи стали униженными слугами, которые полностью зависели от ордынского хана и усваивали азиатские нормы жесткого владычества над русскими подданными. Трудящиеся слои великороссов (крестьяне, посадские люди) 250 лет находились под двойным гнетом (ордынско-княжеским) и, по сути, в результате этой форс-мажорной, **роковой антропосоциокультурной травмы**, надолго стали закрепощенными. При этом в общей культуре их образованные группы продолжали быть европейцами, но западные европейцы стали считать русских азиатами.

После освобождения от владычества Орды князья, бояре и иные землевладельцы продолжали держать своих подданных в закрепощенном состоянии. Многие пытались освободиться, убегали на свободные земли на севере и востоке, становились

цивилизированными первопроходцами Сибирских просторов. Избавление от владычества Орды вызвало *подъем* жизнедеятельности великороссов. Но уже менее чем через 20 лет Иван III учинил в своем Судебнике отечественно-государственную **первую травму** своим подданным: казуистически узаконил ограничение побегов и **закрепление** крестьян на территории хозяина. Возникло исходное звено русско-российского исторического пульсара: «ордынская травма – патриотический подъем освобождения – отечественные государственные травмы – новый подъем...». Его действие продолжилось. Иван IV, став царем, после подъема, вызванного присоединением Казанского и Астраханского ханств, утверждая тотальное личное самодержавие, вплоть до интеллектуального (в полемике с Курбским), вызвал навсегда запомнившуюся населению травму опричнины. К концу XVI столетия глубоко утвердилась противоречивая гражданско-общественная культура взаимодействий населения с обществом: во внутренних делах – рутинная, симбиозно-травмогенная, а во внешних – более гибкая, собирающая. Этот исторический этап (и целая эпоха) завершился **Рубежной травмой № 1** – концом династии Рюриковичей и Смутным временем 1598–1612 гг.

Травма была преодолена благодаря патриотическому подъему народа и освободительным действиям ополчений в 1611–1613 гг. В ответ на этот подъем последовало еще более жесткое и массовое укоренение травмогенности в эпоху царско-имперской России Романовых. Для расширения своих *владений* самодержавие гибко пользовалось бегством-движением инициативных жителей в восточные территории, которое было **протестным** социокультурным подъемом. Вместо рационально-инновационного повышения экономической и иной эффективности своего управления властвовавшая элита продолжала утверждать **самую массовую рутинную травму – крепостничество**, последовательно распространяя его принципы на все слои населения, включая бояр и дворян, но исключая самодержавный двор.

Напротив, в то же самое время, на основе гражданского Просвещения, в Нидерландах, Англии совершились буржуазные революции, а в США назревала и совершилась Гражданская война. Даже первая созидающая модернизация (историческая заслуга Петра I), тем более адаптированные к интересам дворянства реформы Екатерины II не изменили рутины управленческой культуры русского имперского двора – несмотря на старания окружавших этот двор отечественных и зарубежных просветителей, еще и рисковавших жизнью.

XVII–XVIII столетия стали для царско-имперской России **эпохой упущенных возможностей** повышения зрелости гражданско-общественной культуры властной элиты и всего населения, а первые две трети XIX столетия характеризовались упорством в продолжении этих упущений. Используя народный подъем населения в Отечественной войне с Наполеоном, Александр I ответил тем, что возглавил «Священный союз» европейских монархов и отказался от освободительных намерений. При Николае I последовал апогей закрепощения всей жизни населения на основе Полного собрания законов Российской империи, для составления которого был использован талант Сперанского. Выход декабристов из масонского подполья на Сенатскую площадь стал предвестником героического террора против единовластия.

От отмены крепостничества к возможности новой России

Александр II нашел в себе мужество осуществить антикрепостнически-буржуазные реформы. Начался массовый социокультурный подъем, создавший новые напряжения. Царь-освободитель был смертельно наказан за «недостаточность реформ» последователями героического декабризма, революционно-террористическими носителями немедленного преодоления всех травм. Фактически же их нетерпение стало источником социокультурных травм нового типа – революционно-тоталитарных.

Воплощением тупиковой травмогенности гражданско-общественной культуры всей княжеско-царско-имперской эпохи стали две войны и три революции 1905–1917 гг., слившиеся в экстремально **рубежную травму № 2**.

XX столетие стало крайне опасной эпохой интенсификации симбиозно-тоталитарно-травмогенного пульсара социокультурной динамики Советской России (1917–1992 гг.):

«военная **травма** – революционный **подъем** – новые военные **травмы** – революционно-мобилизационные **подъемы** – квазиреволюционные мобилизационно-репрессивные **травмы** – **травма** фашистского нашествия – **подъем** послевоенных и постсталинских надежд «оттепели» – застой – **подъем** надежд перестройки – **травма** самораспада СССР и частичного распада России».

Действие этого драматично напряженного пульсара происходило в контексте прежней, рутинной симбиозно-травмогенной культуры взаимодействий населения с обществом. Культурная революция 20-х гг. XX в. имела допросщенческий, ликбезовский характер и была трансформирована в тоталитарное симбиозно-травмогенное русло 30-х – начала 50-х гг. Она не помешала заместить революционный подъем 1917–1924 гг. репрессивно мобилизационными травмами 1926–1937 гг., а героически-патриотический подъем 1941–1945 гг. – новыми репрессиями.

В этом тотальном мобилизационно-репрессивном пульсаре взаимно уничтожали друг друга граждански наиболее активные, инновационные слои населения России. Выжили более пассивные слои, следовавшие рутинно-симбиозной культуре.

Таким образом, травмогенность гражданско-общественной культуры самого населения России составляет основную сложность ее прошлого, настоящего и будущего. «Почему мы рабы» – так назвал А.А. Зиновьев резюмирующий текст, относящийся к 1980 г., то есть к эпохе России в составе СССР. Зиновьев изложил свою позицию в форме аподиктических утверждений. Он заключил: «Одним словом, нам удобно быть рабами. Быть рабами много легче и проще, чем не быть ими. Мы сами осуществляем насилие друг над другом. Мы сами общими усилиями делаем нас самих своими собственными рабами и благодаря этому становимся рабами других... Не стремление быть свободным, но стремление лишить других людей такого стремления к свободе – вот какой эрзац свободы предлагается здесь гражданам. А это много легче, чем борьба за то, чтобы не быть рабами. Результаты борьбы за реальную свободу осознаются лишь через много поколений. Да и то немногими» [Зиновьев web].

Эти радикальные оценки, сделанные вскоре после высылки философа из СССР (1978 г.), содержат немало эпатажного, особенно для тех советских людей, которые, как и я, уже из букваря усвоили: «**Рабы не мы. Мы не рабы**». Но если освободить оценки от эпатажной формы, то нетрудно понять, что вернувшийся после распада СССР в суверенную Российскую Федерацию, полностью реабилитированный русский философ, один из зачинателей осевого поколения философов-шестидесятников, Александр Александрович Зиновьев (1922–2006) изложил позицию, близкую к позиции И. Канта в его известном ответе на вопрос «Что такое Просвещение?».

В 1784 г., уже после «Критики чистого разума» и незадолго до Французской революции, Кант заключил: «*Просвещение – это выход человека из состояния несовременности, в котором он находится по собственной вине. Несовершенство есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-либо другого. Несовершенство по собственной вине – это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-либо другого. Sapere aude! – Имей мужество пользоваться своим собственным рассудком! Таков, следовательно, девиз Просвещения*» [Кант 1993, 127].

Следует уточнить: предпосылками собственной вины Кант считал и личные, психофизические качества индивидов, и общественные факторы. Что касается **личных качеств**, то он назвал их сразу после приведенного императива Sapere aude: «Леность и малодушие – вот причины того, почему многие люди, уже после того, как природа освободила их от чужого руководства (naturaliter maiorenes), все же охотно остаются на всю жизнь несовершеннолетними и почему другие так легко присваивают себе право быть опекунами. Ведь так удобно быть несовершеннолетним!.. Итак, каждому отдельному человеку трудно выбраться из состояния несовершеннолетия, ставшего для

него почти естественным. Оно ему даже приятно, и на первый взгляд, он, действительно, не способен самостоятельно пользоваться своим собственным рассудком, так как ему никогда не позволяли сделать подобную попытку» [Кант 1993, 127–129].

Таким образом, потенциал взаимодействия с помощью своего разума, вместе с мужеством его реализации, означает **зрелость** гражданско-общественной культуры взаимодействий, способность человека отстоять свое достоинство во взаимодействиях с другими людьми, в том числе находящимися во власти.

В Западной Европе интеллектуальные споры периода Просвещения начинались «с представлений о простых народных массах как о “подданных” монарха, с почти аскриптивной (естественно заданной) обязанностью подчиняться его власти, которую часто объявляли берущей начало от Бога... В условиях высокого уровня национально-ego самосознания Французская революция потребовала создания сообщества, которое включало бы всех французов и аннулировало особый статус *привилегированных*. Центральной идеей было **гражданство**, требовавшее принадлежности к сообществу **всего целиком** населения» [Парсонс 1997, 108–109]. Просвещение подготовило выход французов и многих граждан других стран Западной Европы из состояния гражданского несовершеннолетия. Современный культур-социолог Дж. Александер так модифицировал эту позицию: «В дискурсе гражданского общества самый большой “грех” – это неспособность достичь и поддерживать собственную автономность и независимость» [Александер 2013, 334].

Но если людям недостает мужества для реализации потенциала своего достоинства, а основным мотивом их гражданско-общественной культуры остается **древний страх** [Гоббс 1964, 302] перед физическим насилием или интеллектуальным превосходством других людей (королей, царей, воинов, шаманов, жрецов и др.), то, вслед за И. Кантом, придется говорить о несовершеннолетии, незрелости, или принудительно подавленном состоянии гражданско-общественной культуры населения. В приведенном выше тексте А. Зиновьев эпатажно-политически говорил о том же, о чем И. Кант писал в просветительских терминах: об удобстве и даже о приятности незрелой гражданско-общественной культуры как причине лично зависимого подчинения исполнительских слоев населения власть имущим слоям – подчинения, сохраняемого самими этими людьми и даже навязываемого ими согражданам.

Это не значит, что русские, а с ними и другие российские этносы – «прирожденные рабы», как это нередко можно слышать и у нас, и от зарубежных голосов, подчас бывших наших сограждан. История не есть воспроизведение неизменных структур, позволяющее однозначно пролонгировать настоящее из прошлого и будущее – из настоящего, как это представляют авторы институциональных матриц. Напротив, это нелинейный процесс деятельности больших масс людей, стремящихся не только выжить, но и улучшить содержание и условия своей жизни в настоящем и будущем, в отличие от прошлого.

Частичный распад России, вместе с распадом СССР, означал **третью рубежную травму** в ее истории. Началась новая ее эпоха. Она открыла возможности становления новой России – нового состояния ее общества и государства. Но в 90-е гг. XX в. произошел гетерогенный транзит России к капиталистическому прошлому, едва начавшемуся 100 лет назад. Поныне в верхах и в низах сохраняется, несколько модифицируясь, укоренившаяся, в целом рутинная, симбиозно-травмогенная гражданско-общественная культура. Сохраняется и пульсар ее исторической динамики, но в 1992–2021 гг. он был модифицирован и начался с подъема: «**подъем**, вызванный возвращением суверенитета и рыночными надеждами, – **травма** шоковой приватизации – трансформационно-модернизационные **надежды** – **травмы** западных санкций и коронавирусной пандемии, новые **надежды** и **тревоги**...».

В настоящее время обострились большие внешние и внутренние вызовы. Они с настоятельной необходимостью требуют от всех россиян преодолеть свою прежнюю гражданско-общественную культуру и освоить новую культуру взаимодействий со своим обществом и государством. Как это возможно?

На основе результатов исследований я считаю необходимым **эволюционное самопреодоление** населением России рутинно-симбиозного, травмогенного характера привычной гражданско-общественной культуры и формирование более сложного ее типа, чтобы возникло социально сильное государство всенародного благосостояния и реально гуманистическое общество.

Какой может быть новая гражданско-общественная культура взаимодействий населения с обществом? Я считаю: желательно сохранить и развить, повысить эффективность этно- и регионо-**собирающих** ее смыслов, а главное – вытеснить полуаскритивно-симбиозное, рутинно-травмогенное ее содержание иным – **инновационно-достижительным, свободно-компаративным**. Требуется нацеленная на это гражданско-общественная культура, приемлемая для всего населения и в некоторых отношениях дифференцируемая для разных ее слоев.

Способом усвоения новой культуры может стать **Всегражданское Самопросвещение**, через включение компонент этой культуры в обычные процессы социализации личности, реально совершающиеся в семье, школах и вузах, на работе, в пространстве СМИ и Интернете. Первое, что требуется, – это создание **программы** Всегражданского Самопросвещения – овладения основами инновационно-достижительной, свободно-компаративной гражданско-общественной культуры. В решение этой задачи могут внести свой вклад философы и специалисты других гуманитарных и социогуманитарных областей научного знания. Более полно свою позицию по рассмотренным выше вопросам автор изложил в монографии «Сложность становления новой России и гражданско-общественная культура ее населения» [Лапин 2021].

Утопия? Но и концепция прав человека вначале воспринималась как утопия, а она оказалась реализуемой, борьба за ее осуществление продолжается! (см. [Хабермас 2013]). У меня есть твердая уверенность, что большая часть русского и всех народов России серьезно воспримут и самокритично переосмыслят общественное значение своих взаимодействий с согражданами. Но важно, чтобы государственные и общественные организации разъяснили эту задачу и создали информационные возможности ее решения каждым гражданином страны.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Бердяев 1990 – *Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря // Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990 (Berdyayev, Nikolay A., The Kingdom of God and the Kingdom of Caesar, in Russian).*

Гоббс 1964 – *Гоббс Т. О гражданине // Избранные произведения. В 2 т. / Ред. В.В. Соколов. Т. 1. М.: Мысль, 1964 (Hobbes, Thomas, On the Citizen, Russian Translation).*

Зиновьев web – *Зиновьев А.А. Почему мы рабы // <http://zinoviev.info/wps/archives/111> (Zinoviev, Alexander A., Why We Are Slaves, in Russian).*

Ильенков 1955 web – *Ильенков Э.В. О диалектике абстрактного и конкретного в научно-теоретическом познании // Вопросы философии. 1955. № 1 // http://vphil.ru/index.php?id=29&option=com_content&task=view (Ilyenkov, Edward V., On the Dialectic of the Abstract and the Concrete in Scientific and Theoretical Knowledge, in Russian).*

Кант 1993 – *Кант И. Сочинения в четырех томах на немецком и русском языках. Т. I. Трактаты и статьи (1784–1796) / Подг. к изд. Н. Мотрошиловой и Б. Тушлингом. М.: Ками, 1993 (Kant, Immanuel, Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?, Russian Translation).*

Ключевский 1987 – *Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть 1. Под ред. В.Л. Янина // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987 (Klyuchevsky, Vasilii O., The Course of Russian History. Part 1, in Russian).*

Ключевский 1989 – *Ключевский В.О. История сословий в России // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. VI. Специальные курсы / Под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1989 (Klyuchevsky, Vasilii O., History of Estates in Russia, in Russian).*

Лапин Н.И. Сложность становления новой России и гражданско-общественная культура ее населения (Антропосоциокультурный подход). М., Весь мир, 2021. (Lapin, Nikolai I., The complexity of the formation of the new Russia and the civil-social culture of its population (Anthroposociocultural approach), in Russian).

Мамардашвили 1990 – *Мамардашвили М.К.* Проблема сознания и философское призвание // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс. 1990 (Mamardashvili, Merab K. *How Do I Understand Philosophy?*, in Russian).

Маркс 1965 – *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса // Вопросы философии. 1965. № 11. С. 74–137 (Marx, Karl, Engels, Friedrich, *Die deutsche Ideologie*, Russian Translation).

Парсонс 1997 – *Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 108–109 (Parsons, Talcott, *The System of Modern Societies*, Russian Translation).

Хабермас 2013 – *Хабермас Ю.* Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // *Хабермас Ю.* Эссе к Конституции Европы. М.: Весь мир, 2013. С. 13–39 (Habermas, Jürgen, *Zur Verfassung Europas. Ein Essay*, Russian Translation).

Штомпка 2001 – *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16 (Sztompka, Piotr, *Social Change as a Trauma*, Russian Translation).

Ясперс 1991 – *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991 (Jaspers, Karl, *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

Александр 2013 – *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни. Культурсоциология. М.: Праксис, 2013.

Амирханов 2011 web – *Амирханов Х.А.* Преистория // Всемирная история. В 6 т. / Под общ. ред. А.О. Чубарьяна. Т. 1. Древний мир. М.: Наука, 2011. URL: <https://coollib.com/b/352518/read>

Гусейнов 2000 – *Гусейнов А.А.* Золотое правило нравственности // Новая философская энциклопедия. Т. 1. М.: Мысль, 2000. С. 55–57.

Зарубина 2001 – *Зарубина Н.Н.* Служение общественное // Русская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты. Энциклопедический словарь / Редк.: М.П. Мчедлов и др. М.: Республика, 2001. С. 405–408.

Смирнов 2001 – *Смирнов А.В.* Логика смысла. Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Тощенко 2020 – *Тощенко Ж.Т.* Общество травмы: между эволюцией и революцией (Опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь мир, 2020.

Философия не кончается... 1998 – Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. В двух кн. / Под ред. В.А. Лекторского. Кн. I. 20–50-е гг.; кн. II. 60–80-е гг. М.: РОССПЭН, 1998.

References

Alexander, Jeffrey C. (2003) *The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*, Oxford University Press, Oxford (Russian Translation).

Amirkhanov, Hizri A. (2011 web) “Prehistor”, Chubaryan, Aleksandr O., ed., *World History: in 6 volumes. Vol. 1: The Ancient World*, Nauka, Moscow, URL: <https://coollib.com/b/352518/read> (in Russian).

Huseynov, Abdusalam A. (2000) “The Golden Rule of Morality”, *New Philosophical Encyclopedia. Vol. 1.*, Mysl, Moscow, pp. 55–57 (in Russian).

Lectorsky, Vladislav A., ed. (1998) *Philosophy does not End... From the History of Russian Philosophy. The Twentieth Century. In Two Books*, ROSSPEN, Moscow (in Russian).

Smirnov, Andrei V. (2001) *Logic of Sense. Theory and its Application in the Analysis of Classical Arabic Philosophy and Culture*, YSC, Moscow (in Russian).

Toshchenko, Zhan T. (2020) *Trauma Society: between Evolution and Revolution (Experience of Theoretical and Empirical Analysis)*, Ves Mir, Moscow (in Russian).

Zarubina, Natalia N. (2001) “Public Service”, Mchedlov, Mikhail P., ed., *Russian Civilization: Ethno-cultural and Spiritual Aspects. Encyclopedic Dictionary*, Respublika, Moscow, pp. 405–408 (in Russian).

Сведения об авторе

ЛАПИН Николай Иванович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт философии РАН.

Author’s Information

LAPIN Nikolay I. – DSc in Philosophy, Professor, Corresponding Member of RAS, Principal Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.